

Не понимая, в чём дело, Ван Даху почесал затылок, собираясь спросить, на что тот смотрит, как вдруг раздался пронзительный женский крик, смешанный с рыданиями.

— Люди! Родные, посмотрите! Староста бьёт людей! Нет закона, это убийство!!

Ван Шоуминь, с мрачным видом, смотрел на женщину, сидящую на земле и устраивающую сцену, глубоко вздохнул и крикнул:

— Что ты несёшь, женщина?! Кто тебя бил? Кто это видел?!

Ян Ли, увидев, что вокруг начинают собираться люди, почувствовала себя смелее. Она сидела на земле, хлопая себя по бёдрам, и, рыдая, указывала на свою голову:

— Как это кто?! Это твой внук, этот маленький зверёныш, меня избил! Посмотри на мою голову, посмотри на эти раны! Всё это дело рук твоего внука! Кому мне ещё жаловаться, как не тебе?!

Ван Гуанцзун, стоявший позади отца, услышав, как женщина называет его сына зверёнышем, сразу разозлился. Он сделал несколько шагов вперёд и зарычал:

— Ты, старая карга, кого это ты обзываешь?!

Ян Ли испуганно втянула голову, её глаза забегали.

— Я ничего не выдумываю! Все эти раны — дело рук этого маленького ублюдка! Я чуть не лишилась жизни, и доктор Сюй из деревенского медпункта может это подтвердить! Я сейчас даю вам два выхода. Первый — пусть этот ублюдок выйдет, и я его отлуплю, чтобы выпустить пар. Второй — я получила такие тяжёлые травмы, так что вы должны оплатить мне лечение и моральный ущерб. Я требую 1 000 юаней, и ни копейкой меньше!

Услышав это, собравшиеся вокруг деревенские жители рассмеялись. Как это так, взрослая женщина, а её побил ребёнок, который едва доходит ей до пояса! Да ещё и пришла скандалить к ним в дом! Это просто смешно.

Несмотря на насмешки, Ян Ли не только не смутилась, но и, наоборот, гордилась собой. В её глазах Ван Шоуминь был старостой деревни, и раз она пострадала от его внука, он должен был как-то отреагировать. Иначе это было бы злоупотребление властью, и он не смог бы больше оставаться старостой.

— Тьфу! — Ван Гуанцзун усмехнулся и плюнул в лицо Ян Ли. — Ты, змея подколодная, ещё смеешь требовать компенсацию? Я тебя спрашиваю — разве ты не издевалась над ребёнком из семьи Ли? Посмотри на его раны, как ты могла так поступать?!

— Что? Что?! — Ян Ли выпрямилась и закричала, как бешеная собака. — Он же вернулся живым и здоровым! Да и сам полез на заднюю гору, кто его туда посылал? Ты говоришь, что я его мучила? Я его родная тётя, я его люблю! Как я могла его мучить? Хватит врать!

— Ты... — Ван Гуанцзун был в ярости. Если бы Ян Ли не была женщиной, он бы уже ударил её.

Пока Ян Ли продолжала кричать и ругаться, Ван Даху, одевшись, медленно вышел из дома.

В левой руке он держал поводок от Хэйбэя, а в правой — поводок от Сяо Хэя. И он, и обе собаки смотрели на Ян Ли с холодным блеском в глазах.

А почему он туда полез? Разве не из-за этой так называемой тётки?

Занимать чужой дом, избивать чужого ребёнка — это разве родственник?

Даже животное так не поступает.

Поэтому, как бы Ян Ли ни плакала и ни кричала, жители деревни не испытывали к ней ни капли сочувствия, и уж тем более никто не собирался защищать её.

Ян Ли была в шоке от боли и испуга, видя себя всю в крови.

Она обмякла, и две женщины просто потащили её.

Жены Циня и Чжао переглянулись и с пренебрежением фыркнули, не собираясь вести её в больницу, и повели в восточную часть деревни.

Когда скандалистка ушла, зрители разошлись, и многие, уходя, даже показали Ван Даху большие пальцы вверх, говоря, что он настоящий сын северо-востока, с характером. Даже его отец, Ван Гуанцун, выглядел гордым.

— А ну-ка, быстро пошёл сюда! — мама Ван Даху, Чжан Фан, вышла из дома и схватила его за ухо, сильно покрутив.

Этот мальчишка совсем отбился от рук, теперь даже собак на людей натравливает!

Ван Даху долго слушал нотации от матери, и только благодаря бабушке смог сбежать.

Вернувшись в свою комнату, он увидел, что Ли Цинжань всё ещё сидит у окна, задумчивый, не зная, о чём думает.

— Ну как? — Ван Даху забрался на кровать и погладил его по голове. — Чуть полегче?

Ли Цинжань сжал губы, его большие чёрные глаза моргнули, и он с решимостью сказал:

— Я сам отомщу!

— Хорошо! — Ван Даху улыбнулся. — Когда твоя нога полностью заживёт, ты сам изобьёшь эту Ян Ли, превратишь её в арбуз, в покрышку, сделаешь так, что даже её мать не узнает! И она больше никогда не посмеет прийти в деревню.

Ли Цинжань, видя, как Ван Даху оживлённо рассказывает, не мог сдержать смеха и с укором сказал:

— Братик Даху, ты ужасный!

Ван Даху, услышав этот нежный голос, почувствовал, как всё его тело расслабилось, будто он стал легче.

Нога Ли Цинжана ещё не полностью восстановилась, и пока ему приходилось ходить с костылями. Но он был очень любознательным ребёнком, и на следующий день Ван Даху снова пришлось взять на себя роль носильщика школьного рюкзака.

Так жизнь постепенно вернулась в привычное русло.

Но и Ван Даху, и Ли Цинжань знали, что пока Ян Ли продолжает «занимать чужое гнездо», это дело не закончится.

Через месяц, когда нога Ли Цинжана полностью зажила, у Ян Ли, которая всё это время нагло жила в их доме, наконец начались неприятности.

<http://bllate.org/book/16441/1490756>